

тех событиях редко вспоминают как в Иране, так и в России, даже многие интересующиеся историей люди при словах о «Советской Персии», просуществовавшей с июня 1920 по сентябрь 1921 года, удивленно распахивают глаза. А ведь Иран едва не разделил судьбу среднеазиатских султанатов и ханств и не стал «советской социалистической республикой» в составе Союза ССР. Такой путь ему готовили присланные комиссары и местные коммунисты.

Александр Солженицын, оставивший много томную эпопею о Русской революции, назвал разлив большевицкого пламени «красным колесом». Это «колесо» проехало по многим народам и странам, вторглось и на землю Ирана. Но тут и завязло. Можно сказать, «Красное колесо» остановилось в Реште».

Конечно, большие события в жизни людей, а тем более в исторической судьбе народов, нельзя объяснить какой-то одной причиной, хотя бы она и казалась нам самой главной. С самого начала XX века северные края Персии трепали разного рода волнения и мятежи. Их порождало недовольство экономической отсталостью, нищетой населения, архаичностью политического строя страны, особенно на фоне растущей экспансии иностранного капитала, прежде всего российского и британского. Осо-

бенно сильны оппозиционные настроения были в провинции Гилян, что на южном побережье Каспийского моря. Здесь сформировалось мощное «дженгелийское движение» (от слова «дженгель» — лес), участниками которого были представители самых разных социальных групп — крестьяне, торговцы, рабочие, ремесленники, интеллигенты. Гилянские «лесные братья» вооружались и время от времени устраивали налеты на правительственные учреждения. В мае 1920 года в Гиляне загорелась «Персидская революция»: начавшись вроде бы случайно, от извне поднесенной спички, она привела вскоре к провозглашению Советской Республики и Временного революционного правительства.

* * *

Клянемся волосами Гурриэт эль Айн,
Клянемся золотыми устами Заратустры —
Персия будет советской страной.
Так говорит пророк!

В инстанции «пророка» выступал известный русский поэт Велимир Хлебников. С удостоверением сотрудника Литературно-издательского отдела Оргбюро Конференции пролеткультов Хлебников в октябре 1920 года появляется в Баку. Южный город манил к себе многих поэтов и писателей, художников и ученых, бежавших от ужасов гражданской войны и голода в столицах. «Председатель Земного Шара» сразу попал в хорошо знакомое общество. Было два центра притяжения: Бакинский университет и Кавказская РОСТА, художественным отделом которой к тому времени заведовал Сергей Городецкий. Там же работал Алексей Крученых. Он уехал на Кавказ гораздо раньше, спасаясь от мобилизации в царскую армию. И у Крученых, и у Городецкого были хорошо налажены литературные связи; они сотрудничали в газетах «Коммунист» и «Бакинский рабочий»; Городецкий вел в Баку «Цех поэтов», возглавлял журнал «Искусство» и литературную часть Политуправления Каспийского флота. Руководивший университетской кафедрой классической филологии Вячеслав Иванов выхлопотал Хлебникову студенческий паек, Городецкий взял его на работу в РОСТА писать подписи к плакатам.

В апреле 1920 года в Азербайджане была установлена советская власть. 1 сентября в Баку начинает работу Первый съезд народов Востока. Такого события Хлебников пропустить не мог: он давно уже чаял объединения народов Азии, и вот теперь мечтал увидеть наяву. Писатель Илья Эренбург в романе «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» так описал мероприятие в Баку: «В большом зале сидели кавказцы в черкесках, афганцы с чалмами, в клеенчатых халатах, бухарцы в ярких тюбетейках, персы в фесках и многие другие. У всех были приколоты на груди портреты Карла Маркса, с его патриархальной бородой. В середине восседал товарищ просто в пиджаке и читал резолюции. Делегаты кивали головами, прикладывали руку к сердцу и всячески одобряли мудрые тезисы. Я слышал, как один перс, сидевший в заднем ряду, выслушав доклад о последствиях экономического кризиса, любезно сказал молодому индийцу: „Очень приятно англичан резать“, на что тот, приложив руку к губам, шепнул: „Очень“».

О том, чем он занимался в Баку, Хлебников сам написал в «Досках судьбы»: «Чистые законы времени мною найдены 20 года, когда я жил в Досках огня, в высоком здании морского общежития, вместе с Доброковским... Я хотел найти ключ к часам человечества, быть его часовщиком и наметить основы предвидения будущего». Поэт мечтает о напечатании своих трудов. Пока же он как штатный лектор читает доклад «Коран чисел». Доклад получился неудачным. Он пишет сестре: «От меня вдруг улетели все мои мысли, и мой очарованный мир покинул меня,

Кучек-хан со сподвижниками после переговоров
с советской делегацией

точно я изменил ему. Все видения будущего вдруг покинули меня, точно ненужное дерево стая отдыхавших голубей. Это случилось после того, как я в последний раз в жизни поверил людям и прочел доклад в ученном обществе при университете «Красная Звезда». Правда, я утонченно истязал их: марксистам я сообщил, что я Маркс в квадрате, а тем, кто предпочитает Магомета, я сообщил, что я продолжение проповеди Магомета, ставшего немым и заменившего слово числом. Доклад я озаглавил «Коран чисел». Вот почему все те, чье самолюбие не идет дальше получения сапог в награду за хорошее поведение и благонамеренный образ мысли, шархнулись прочь и испуганно смотрят на меня». А в письме к своему харьковскому знакомому В. Ермилову Хлебников с горечью сообщает, что если люди не захотят научиться искусству предвидеть будущее, он будет обучать ему лошадей.

Вскоре после этого доклада Хлебников уволился с должности лектора. Опубликовать «Законы времени» в Баку практически не было никакой возможности. Ни Городецкий, ни Крученых такой материал не взяли бы, тем более не взяли бы его в университетском издательстве, где печатался Вячеслав Иванов.

Стихи с пророчеством «Персия будет советской страной!» вождь русского футуризма сочинил уже в обозе Красной Армии, наступавшей весной 1921 года на Тегеран. «Мы были в 42 верстах от цели, — вспоминал очевидец похода. — Между нами и Тегераном лежала одна гора, после взятия которой дорога на столицу была открыта». По несчастью или к счастью, не все пророчества сбываются. Хлебников хоть и зачислен был агитатором армейского политотдела, в событиях разбирался плохо, придавая всему увиденному мистико-анархистскую окраску:

Видите, персы, вот я иду
По Синвату к вам.
Мост ветров подо мной.
Я Гушедар-мах,
Я Гушедар-мах, пророк
Века сего, и несу в руке
Фрашокерети (мир будущего).

Нет нужды расшифровывать имена и образы, наспех взятые поэтом из зороастрийской мифологии, они мало что дадут нам для понимания происходившего в те дни. Лучше обратиться к более адекватным источникам — например, к дневнику Моисея Альтмана — поэта, филолога, командированного в Персию от РОСТА редактировать в прикаспийском Энзели газету «Красный Иран» (переводной вариант — «Иран Сорх»). Газета выходила с громкими аншлагами вроде: «Шах и мат дадим мы шаху. С каждый днем он ближе к краху». Так вот, М. Альтман записывает в своем дневнике: «В Персии сейчас Кучек-хан, он дружит с коммунистами, коммунисты — с ним, но эта дружба вражды опасней. Друг с другом заигрывают, но игра эта — с огнем, и каждую минуту можно обжечься. Может, уже кто-нибудь собирает хворост, и скоро затрещит он сухим огоньком. Кучек-хан отдаленно напоминает Махно».

Редактор «Красного Ирана» как в воду глядел: спустя месяц руководитель «Гилянской Советской республики» действительно ссорится с коммунистами и уходит из Решта (столицы республики), а к власти в Гиляне приходит «более революционный» Национальный комитет во главе с Эхсаноллой-ханом и провозглашает Персидскую ССР. В течение 1920–1921 годов отряды, сформированные частью из моряков астраханской флотилии и бакинских кавалеристов, частью из местных боевиков-«дженгелийцев», то одерживают победы, то терпят поражения; большевики за спиной Эхсаноллы вновь ведут переговоры с Кучек-ханом, Решт несколько раз переходит из рук в руки. И тогда на помощь республике в начале 1921 года выходит сформированная в Баку Персидская красная армия. В ее рядах не только военные и политработники, но и художники, журналисты, агитаторы, другие гражданские лица. На пароходе «Курск» из Баку является и Велимир Хлебников. О времяпрепровождении вождя русских футуристов в революционной Персии рассказывают материалы обнаруженного в 1964 году в Баку архива Р. Абиха. Рудольф Петрович, ученый-иранист и военный разведчик, был из первых зачинателей мятежного бурления в Гиляне, позднее руководил агитотделом Персармии, в котором под его командой пребывали и Хлебников с графиком Вячеславом Доброковским.

...Хлебников бродит по комнате политотдела, присаживается вдруг за стол, чтобы записать лозунг или стихотворную строчку. Обедает в столовой, жадно поглощая пшеничную кашу. Шепотом мучительно преподает ораторское искусство в Военно-морской школе. Живет в комнате среди рукописей, дров, книг, подрамников, кусков глины для лепки, сундуков, табуреток и плакатных холстов, спит рядом с «буржуйкой», на которой варят клей, кипятят в ведре чай. Под потолком едва светит угольная лампочка, неистребимо пахнет красками. Хлебников мастерит самокрутки, доставая табак из женского ридикюля. Матросы почитают Хлебникова великим человеком. Наслушавшись от них рассказов о пиратстве, процветавшем на Каспии совсем еще в недавнее время, поэт мечтает захватить какой-нибудь корабль, сделаться пиратом. Матрос Самородов рассказывает ему о каспийском острове Ашурате, самой теплой географической точке Российской империи. Луга острова цветут круглый год, изобилуют дикими тюльпанами, нарциссами, цветами кактусов. Близ побережья острова красная рыба имеет сильный ход, пропитаться легко. Хлебников, очарованный описанием острова, на котором еще остаются здания метеорологической станции, предлагает устроить там резиденцию Председателей Земного Шара.

Длинноволосый Доброковский в цветастой кофте с бахромой и такой же косматый Хлебников возлежат в чайхане. Они курят сырой опий и пьют чай. Доброковский рисует гротескные портреты местных ханов и шаха. Заказчики подносят фотографии своих мучителей и кладут около урус-дервиш монеты. Доброковский транжирит серебро на опий и водку. Доброковский прилично говорит на фарси и

любит посудачить с посетителями чайханы. Хлебников во время этих бесед углубляется в себя и беззвучно губами вытягивает из воздуха и сплевывает и снова подбирает строчки будущих стихов. Опий предает голод забвению.

Доброковский в чайхане излагает местным жителям революционные лозунги правительства: «Долой англичан!» — «Землю крестьянам!» — «Да здравствует демократическая республика!» — «Да здравствует дружба с Советской Россией!» Русские дервиши, священные, неприкасаемые, накурившись опия, заворачиваются в вытертые пропыленные ковры — ночуют в чайхане. В городе вдруг вспыхивает пожар, горят несколько кварталов. Доброковский и Хлебников лежат без чувств перед полчищем огня, постепенно подбирающегося к чайхане. Влетает хозяин чайханы, пробует растолкать товарищей. Хлебников лунатически поднимается и уходит. Доброковский бесчувственно смотрит, как огонь сочится через потолок, как дым сипит, врываясь в стенные щели. Хозяин тащит наружу свое барахло, наконец хватается ковер с Доброковским и вытаскивает вместе с художником наружу...

Первым и главным закоперщиком революционного пожара в Персии по праву называется Федор Раскольников, журналист по профессии, в годы войны побывавший в мичманах императорского флота, после Октября сделавший стремительную революционную карьеру — из матросов в заместители самого товарища Троцкого по морским делам. Будучи с рождения Ильиным, имя романного героя Достоевского взял он из любви к «топорной работе». Немало офицерских голов раскроил Ильин-Раскольников с «братишками» на Балтике после Октябрьского переворота. Он же организовал расправу над арестованными министрами Временного правительства Шингаревым и Кокошкиным, о которой с ужасом шептался весь Петроград. В персидский портовый город Энзели Раскольников прибыл в боевой рубке миноносца «Карл Либкнехт», во главе эскадры с двумя тысячами «братишек» десантного отряда. Поводом для вторжения был угон в Энзели остатками денкинских войск нескольких судов из Астрахани.

«На рассвете 18 мая, когда персы и англичане еще спали, наша эскадра неожиданно появилась перед глинобитными, с плоскими крышами домами Энзели, — вспоминал Раскольников. — Я на своем миноносце прошел вдоль берега. Выбрав место, удобное для высадки десанта, я распорядился поднять сигнал о начале десантирования. Несколько матросов в кожаных сапогах с высокими голенищами, крепко сжимая в руках коричневые винтовки, бодро выскочили на песчаную отмель. В их руках, как огромная птица, трепетало широкое Красное знамя с перекрещенными молотом и серпом. Матросы с привычной ловкостью и проворством влезли на телеграфные столбы, срезали медную пряжу проводов. Телеграфная связь Энзели с внешним миром была прервана. Затем они заняли шоссе на дорогу, идущую из Энзели на Решт и Тегеран». (Рассказы мичмана Ильина / Ф. Раскольников. — Москва: Сов. лит-ра, 1934. — 171 с.)

К полудню Энзели был полностью в руках красного десанта. Английский генерал Чемпейн с офицерами отбыли на автомобилях в Решт. Следом длинной колонной потянулись бородатые сикхи, угрюмо поглядывавшие из-под тюрбанов цвета хаки на зубоскаливших краснофлотцев. В рессорных повозках, в которые были впряжены серые армейские мулы, под брезентовыми тентами с красным крестом, стонали раненые. Побывавший здесь позднее Сергей Городецкий так воспевал «красное вторжение»:

Промчалась буря по базарам,
Смерчами дервиши прошли,
Крича, что северным пожаром
Зарделся берег Энзели.

Лариса Рейснер в жизни и на портрете
художника Г. Алексева-Гая

И Персия с глазами лани,
Подняв испуганно чадру,
Впилась в багряный флаг, в Гиляне
На синем веющий ветру.

Боевым походом Раскольников руководил на пару с женой Ларисой Рейснер, имевшей немалый чин «когенмора» — комиссара Морского Генерального штаба Советской России. Рейснер когда-то слыла модной поэтессой, входила в поэтические кружки Петербурга, дружила с самыми прославленными поэтами «серебряного века», признававшими в ней несомненный талант. Окрашенные взаимным любовным чувством отношения связывали будущую «валькирию революции» с Николаем Гумилевым. Он и привил ей интерес и любовь к Востоку, особенно к Персии. Лариса называла Гумилева «мой Гафиз», а влюбленный поэт дал ей имя «Лери», созвучное с «Пери» из персидских сказаний. Мода на восточное тогда охватила весь творческий Петербург. Поэт Вячеслав Иванов организовал «кружок гафизитов», изучавший суфийские духовные традиции и творчество легендарного средневекового поэта-мистика Хафиза (Гафиза). Заседания кружка посещали и Гумилев с подружкой. Потому Рейснер считала себя знатоком персидского искусства и философии. И она же была способна «во имя революции» на любую безнравственность и любое злодейство. Осип Мандельштам рассказывал своей жене, как Лариса специально устроила у себя вечеринку, чтобы облегчить чекистам арест тех, кого она пригласила в гости. «Стихи Лариса не только любила, но еще втайне верила в их значение, — пишет Надежда Мандельштам в своих «Воспоминаниях», — в первые годы революции среди тех, кто победил, было много любителей поэзии. Как совмещали они эту любовь с готтентотской моралью: если я убью — хорошо, если меня убьют — плохо?»

Через несколько дней после высадки советского десанта Раскольников прямо заявил местным властям, что «ввиду восторженного приема советских моряков населением и раздающихся со всех сторон просьб о том, чтобы мы остались с ними

и не отдавали на растерзание англичанам, красный флот останется в Энзели даже после того, как все военное имущество будет вывезено». Развить военный успех до степени «народной революции» Раскольников решил с помощью местных партизан, совершавших из горных лесов вылазки против шахских властей и поддерживавших шаха англичан. Он вступает в переговоры с вождем «дженгелийцев» Мирзой Кучек-ханом и убеждает его возглавить движение, обещая военную и иную поддержку Советской России.

«И вот он пожаловал в Энзели, — писал Раскольников в своих мемуарах. — Сперва показался отряд загорелых, черноволосых курдов, вооруженных винтовками, револьверами и кинжалами. Это был отряд личных телохранителей Кучек-хана. Затем появился и сам Кучек-хан, сопровождаемый своими соратниками и шумно приветствуемый персидской толпой. Высокий, стройный, красивый, с правильными чертами лица, он шел с непокрытой головой и раскланивался с народом. Длинные темные вьющиеся кудри пышными локонами падали на его плечи, а грудь была туго обтянута косым крестом пулеметных лент. Широкие брюки заправлены в бледно-зеленые обмотки, завязанные белыми тесемками. На ногах вышитые серебром жесткие кожаные туфли с острыми, загнутыми кверху носками... Войска генерала Чемпейна в начале июня эвакуировали Решт. Кучек-хан со своими отрядами перенес туда ставку, провозгласил республику, стал готовиться к походу на Тегеран».

Поначалу все складывалось образцово-революционно. Раскольников с Рейснер занял бывший губернаторский дворец, упивались легкой победой и громкой славой, строили безумные планы охвата «красным пожаром» всего Востока, вплоть до британской Индии. Решт окрасился кумачовыми флагами, для чего у местных торговцев реквизировали все запасы ткани соответствующего цвета. Советская республика быстро обросла привычными большевицкими атрибутами: Совнаркомом, Реввоенсоветом, Ревтрибуналом, Особым отделом, культпросветом, а также «исправдомами». Для последних пригодились старые шахские «зинданы».

В матроской вольнице Раскольников-Ильин был своим, а Лариса Рейснер — чужой, прихотью командира, «персидской княжной», которую новый Стенька Разин для забавы нарядил в комиссарскую кожаную куртку и галифе. Матросов удивляла небывалая, почти собачья преданность, которую Раскольников выражал к жене, ее властная красота и «старорежимная» поэтичность, неудержимо проглядывавшая сквозь комиссарскую роль. «Княжна» ходила командиршей, отдавала приказы, ловко стреляла, гарцевала на коне перед строем — но в редкие минуты домашней тишины маска спадала с лица. Она смотрела на все взглядом отсутствующего, ушедшего в себя человека, шептала стихи оставшегося в Петербурге «Гафиза», при звуке которых Раскольников однажды бросился к жене с маузером, но перед ее надменным спокойствием смог удержаться.

Придать событиям в Гиляне необходимую глубину и большевицкий характер, готовить «освободительный поход» на Тегеран лично Троцким послан был из Москвы «Якуб-заде» — Яков Блюмкин, профессиональный террорист, поначалу творивший «акты» в составе эсеровских дружин (это он по заданию эсеров в 1918 году застрелил германского посла Мирбаха), а затем перешедший на работу в ЧК.

В Москве Блюмкин близко знался со всей художественной богемой постреволюционной поры. Попасть в литературные круги ему было несложно: многие из известных русских поэтов, прозаиков, журналистов тогда симпатизировали левым эсерам и печатались в их изданиях — Александр Блок, Сергей Есенин, Андрей Белый, Николай Клюев, Алексей Ремизов... Блюмкин подружился с Есениным, а тот познакомил его со своими друзьями-поэтами Анатолием Мариенгофом, Вадимом Шершеневичем, Александром Кусиковым. «Преимуществом это было

молодые люди, примкнувшие к левым эсерам и большевикам, довольно невежественные, но чувствовавшие решительную готовность к переустройству мира, — описал «футуристов» Владислав Ходасевич (очерк «Есенин», 1926 г.). — Философствовали непрестанно, и непременно в экстремистском духе. Люди были широкие. Мало ели, но много пили. Не то пламенно веровали, не то пламенно кощунствовали. Ходили к проституткам проповедовать революцию — и били их... готовы были ради ближнего отдать последнюю рубашку — и загубить свою душу. Само же ближнего тут же расстрелять, если того „потребуется революция“».

Блюмкин стал все чаще и чаще заходить на «литературные огоньки», скорее, не только по зову сердца, но и из-за обязанностей новой службы. Водил его туда Есенин. Известный случай произошел на именинах Алексея Толстого. Собралось человек сорок. Ходасевич вспоминал в том же очерке:

«Пришел и Есенин. Привел бородатого брюнета в кожаной куртке. Брюнет прислушивался к беседам. Порою вставлял словцо — и неглупое. Это был Блюмкин, месяца через три убивший графа Мирбаха, германского посла. Была в числе гостей поэтесса К. Приглянулась она Есенину. Стал ухаживать. Захотел щегольнуть — и простодушно предложил поэтессе: «А хотите поглядеть, как расстреливают? Я вам это через Блюмкина в одну минуту устрою».

В это же время Блюмкин познакомился с поэтом Осипом Мандельштамом и как-то предложил ему сотрудничать в некоем «новом учреждении», которое, как говорил Блюмкин, должно определить эпоху и стать средоточием власти. Надежда Мандельштама в своих мемуарах со слов мужа писала: «О.М. в испуге отказался от сотрудничества, хотя тогда еще никто не знал, в чем будет специфика нового учреждения... Он всегда как-то по-мальчишески удирал от всякого соприкосновения с властью». Однажды Мандельштам несколько дней прожил в Кремле, и как-то утром в общей столовой, куда он вышел завтракать, «лакей, прежде дворцовый, а потом обслуживавший революционное правительство и не утративший почтительно-лакейских манер, сообщил О.М., что сейчас сам Троцкий „выйдут кушать кофий“. О.М. схватил в охапку пальто и убежал, пожертвовав единственной возможностью поесть в голодном городе». Объяснить свой импульс к бегству он никак не мог: «Да ну его... Чтобы не завтракать с ним...» Что же это было за «новое учреждение»? Скорее всего, речь шла о ЧК, куда Блюмкин только что пришел работать.

Вот такие и подобные им «рыцари без страха и упрека» задумали освобождать соседнюю страну от «гнета средневековых пережитков». В своей автобиографии 1929 года о «персидской эпопее» Блюмкин написал коротко и ясно: «В 1920 г., после десанта в Энзели, я был командирован в Персию для связи с революционным правительством Кучек-хана. Там я принимал деятельное участие в партийной и военной работе в качестве военкома штаба Красной Армии, был председателем комиссии по организации персидского представительства на съезде народов Востока в Баку, захватывал власть 31 июля 1920 г. для более левой группы Эхсануллы, больной тифом, руководил обороной Энзели».

Двадцать второго августа под натиском шахских войск пал Решт. Энзели удалось отстоять лишь благодаря артиллерии советских кораблей. Через день из Баку прибыл стрелковый полк. Решт удалось отбить, но командование «Персидской Красной Армии» уже откровенно сообщало о «враждебности населения». «В персидских массах нет никакого энтузиазма, отсутствует воля к борьбе, все обьято пассивностью и страхом, — докладывал в Москву советский полпред Шалва Элиава. — Вся наша работа в Персии, начиная с Раскольникова, — сплошное недоразумение, приведшее к дискредитированию Советской России вследствие недопустимых действий наших войск и политработников, а также неразборчивого яхания с такой политической рванью, как Кучек-хан или Эхсанулла. Сейчас Эхса-

Хлебников. Худ. Михаил Ларионов. 1910

нула сам держится на наших частях, никакой опоры в массах он не имеет... Для дальнейшего: либо почетный уход, либо движение вперед на Тегеран».

Что же значил тогда весь многочисленный штат политотдела армии, призванный вдохновлять и увлекать местных жителей? Можно представить, какое впечатление производили на неграмотных гилянских крестьян, торговцев, мулл да и на спустившихся за добычей с гор повстанцев призывы к обобществлению собственности, к борьбе с «религиозным дурманом» и лозунги пролетарского интернационализма! Наглядные образцы общения с местным людом оставил нам Велимир Хлебников:

Блится глазами толпа,
В четки стуча,
Из улицы темной: «Русски не знаем,
Зидарастуй, табарича».
.....
«Русски не знай, плехо.
Шалтай-балтай не надо, зачем? плехо!
Учитель, давай, —
Столько пальцев и столько (50 лет), —
Азия русская.
Россия первая, учитель, харяшо.
Толстой большой человек, да, да, русский дервиш.
А! Зардешт, а! харяшо!».

(Поэма «Тиран без Т»).

Своим необычным видом (заросший, в лохмотьях) и бытовыми чудачествами Хлебников заслужил в Реште прозвище Гуль-муллы. Поэту нравилось думать, что оно значит «Священник цветов». На самом же деле — всего лишь «русский мулла», «русский поп». «Нету почетнее в Персии — быть Гуль-муллой, — с гордостью написал он в поэме. — Гуль-мулла — желанный гость в любом доме, с него не берут денег. «Лодка есть, товарищ Гуль-мулла! Садись, повезем! Денег нет? Ничего. Так повезем, садись!»

Хлебникову кажется, что не только люди, но и вся природа здесь признала в нем своего. Для него все происходившее с его участием представлялось не воен-

ным вторжением в другую страну, не разжиганием в ней гражданской войны по образцу залитой кровью России, а некоей закономерностью судьбы, истории, началом установления мира Справедливости и Добра, предсказанного Заратустрой и Маздаком, за который некогда погибла героиня персов Гуррият эль-Айн. Пацифист вряд ли бы принял участие в революционной экспедиции в Персию. Теоретически Велимир ненавидел насилие, воспевал свободу. Но освободить мир от несправедливости собирался практически революционными способами. В этом смысле он недалеко ушел от предводителей персидской авантюры — Абиха, Блюмкина, Троцкого. Вот как воспринимал поэт свою миссию в Персии:

Я — Разин напротив,
Я — Разин навыворот.
Разин деву
В воде утопил.
Что сделаю я? Наоборот? Спасу!
Увидим. Время не любит удил.

В политотделе стихи успехом не пользовались. «Особист Горохов, как читал, расстройством рассудка получил», — докладывали Раскольникову. «Еще один рифмоплет и, верно, жрать хочет. И без пророков таких босоногих справимся», — отозвался тот. И все же по просьбе Рейснер Хлебников получил должность «лектора Летучего красного отряда» с постоянным довольствием. Впрочем, от армейской гимнастерки и обмоток Гуль-мулла отказался, отправился в поход на Тегеран верхом на ободранном обозном ослике, одетый в рубище с напоминающим чалму головным убором. Похоже, впоследствии это и спасло ему жизнь.

А между тем «русский мулла» писал родным в Астрахань: «Живется здесь скучно, дела никакого, общество — искатели приключений, авантюристы шаек Америго Веспуччи и Фернандо Кортеса». Письмо Хлебникова вскрыли товарищи из Особого отдела Персидской Красной Армии, не переставшие проявлять к этой темной личности повышенный интерес. После этого оно легло на стол сначала к Абиху, а потом к Раскольникову, в сопровождении рапорта следующего содержания: «Именуемый себя Велимиром Земного Шара гр. Хлебников В.В., внедрившийся в ряды Персармии, разоблачен в сношении с главарями бандитских белых банд Америго Веспуччи и Фернандо Кортеса. Нашей агентуре они пока неизвестны, но, очевидно, присланы Антантой».

Красноармейцы и дженгелийцы стояли в 42 верстах от Тегерана, когда шахские войска, усиленные привлеченными на службу донскими и кубанскими казаками из бывших деникинцев, перешли в контрнаступление. Не выдержав натиска, мобилизованные в Красную Армию гилянские крестьяне, лесные смутьяны и пришлые «табаричи» разбежались или сдавались в плен. Кавказский дивизион Амирова встретился с казаками в сабельном бою — и был вырублен почти полностью. Из «Летучего отряда» осталась в живых только горстка красноармейцев. В их числе бежали в сторону моря начальник разведки Персидской Красной Армии Мугуев, начальник агитотдела Абих, «русский дервиш» Хлебников, художник Доброковский... Бросить пришлось все — обоз, артиллерию, раненых... Настигшие Хлебникова казаки приняли его за бродячего дервиша — и отпустили. Словно подхваченный ветром сухой листок, Гуль-мулла ушел так же легко, как и пришел. С попутным судном он добрался до Баку, а оттуда отправился к родным в Астрахань. Так окончился его персидский «шалтай-балтай»...

Из дневника М. Альтмана: «Персияне, как, вероятно, и все восточные люди, отличались крайней вежливостью. Так, когда мы впервые прибыли в Энзели, все стоявшие на улицах персы постукивали себя руками по груди и бормотали: «Большевик, большевик», т.е. указывали, что они все приверженцы большевиков и рады

их приходу. Когда мы уходили из Решта, на улицах не было ни одного извозчика и пришлось идти пешком. А из некоторых окон в нас при этом стреляли. Стреляли, вероятно, те самые люди, которые при нашем вступлении в Решт били себя в грудь, утверждая, что они тоже «большевики». Минувя выстрелы, мы, однако, хотя и очень утомленные, дошли до рештского вокзала, чтобы оттуда отправиться в приморское Энзели, а оттуда кораблем доплыть до уже безопасного Баку».

Несмотря на бесславный провал затеи с персидской республикой, партия не забыла заслуг Федора Раскольниковца: он получил назначение командовать любимым Балтийским флотом. Вместе с мужем покинула Энзели и уставшая от жары и революционной канители воительница Лариса Рейснер. На прощание Рудольф Абих подарил ей добытый под Тегераном серебряный браслет с той самой, воспеваемой Гумилевым, персидской «больной» бирюзой. Российским поэтам, отметившимся в то бурное время персидской темой, казалось, что они любят и знают эту прекрасную и таинственную страну. Но любили они Персию по-киплинговски, как книжную, нереальную, нафантазированную страну, где «розы осыпают в тишине лепестки над могилами великого прошлого», где живет какая-то придуманная красотка Шаганэ. Настоящая Персия оказалась гораздо прозаичнее, но и более здоровой, строгой и непокорной — она не поддавалась на посулы «светлого будущего» через кровь настоящего и не впустила в свое священное пространство непрошенных гостей.

С уходом советских войск Советская республика продержалась в Гиляне еще несколько месяцев. К зиме остатки красного фронта были загнаны шахскими войсками в горы. Малочисленный отряд Кучек-Хана, истощенный длительными переходами и голодом, попал в бурю. 10 декабря 1921 года заледеневшее тело Кучек-Хана было обезглавлено его бывшим соратником курдом Хала Курбаном. Срубленная голова революционного дервиша была доставлена Мохаммад Хасан-шаху. К ногам последнего правителя из каджарской династии ее бросил военный министр, русскоязычный казачий офицер Реза Хан Пехлеви. В 1925 году он сам объявит себя шахом. Хлебников написал о последних днях республики в очерке «Ветка вербы»: «Я узнал, что Кучук-хан, разбитый наголову своим противником, бежал в горы, чтобы увидеть снежную смерть, и там, вместе с остатками войск, замерз во время снеговой бури на вершинах Ирана. Воины пошли в горы и у замороженного трупа отрубили жречески прекрасную голову и, воткнув на копые, понесли в долины и получили от шаха обещанные 10 000 туманов награды. Когда судьбы выходят из береговых размеров, как часто заключительный знак ставят силы природы!»

Есть такая суфийская притча:

Некий хан встретил по дороге маджнуна (юродивого).

— Ты откуда идешь? — спросил правитель.

— Из Ада, — ответил, широко улыбаясь, маджнун.

— И что же ты делал там?

— Нужен был огонь, чтобы разжечь костер, и я пошел спросить: не поделится ли жители Ада им со мной?

— Ну и как, получил огонь? — усмехнулся хан.

— Нет, тамошний правитель сказал, что у них нет огня. Я, конечно, спросил, как же так? На что хозяин Ада ответил: «Каждый приходит сюда со своим собственным огнем».

В декабре 1921 года Велимир Хлебников вернулся в Москву. Весной 1922 года, будучи тяжело больным, он вместе с художником Петром Митуричем отправился в Новгородскую губернию. 28 июня 1922 года Велимир Хлебников скончался в деревне Санталово Новгородской губернии. Был похоронен на погосте деревни

Ручьи Крестецкого района Новгородской губернии. В 1960 году останки поэта были перенесены в Москву на Новодевичье кладбище.

Федор Раскольников возглавлял журнал «Молодая гвардия» и издательство «Московский рабочий», писал пьесы и воспоминания о революции. Потом снова был брошен на дипработу — посол в Эстонии, Дании, Болгарии. Его товарищи по революции один за другим исчезали, его кумир Троцкий давно стал «врагом народа». По пути в Москву он прочитал в газете, что «врагом» объявили и его — и в тот же день бежал, заметая следы. В сентябре 1939 года Федор Раскольников умер в клинике в Ницце: по уверению жены, от пневмонии, по мнению многих, от рук советских агентов.

Лариса Рейснер вскоре ушла от Раскольникова к одному из тогдашних вождей Свдепии Карлу Радеку. Умерла 9 февраля 1926 года в Москве на тридцать первом году жизни от брюшного тифа. В Кремлевской больнице при ней дежурила ее мать, покончившая с собой сразу же после смерти дочери.

Сотрудник ОГПУ Яков Блюмкин расстрелян 3 ноября 1929 года на основании постановления коллегии ОГПУ. Официальное обвинение — в «оказании содействия антисоветской организации, организационных связях с руководителями ее, высланными за пределы СССР, в измене Советской власти и пролетарской революции».

Рудольф Абих арестован 8 сентября 1939 года за участие в антипартийной оппозиции. Расстрелян 1 ноября 1940-го.

Все рассказанное уместается в одно рубаи персидского мудреца Омара Хайяма (перевод Германа Плисецкого):

Мы послушные куклы в руках у Творца!
Это сказано мною не ради словца.
Нас по сцене Всевышний на ниточке водит
И пихает в сундук, доведя до конца.

Впрочем, Хлебников в «Иранской песне» (в мае 1921-го) сказал о том же — и даже, пожалуй, сильнее:

Верю сказкам наперед:
прежде сказки — станут былью,
но когда дойдет черед,
мое мясо станет пылью.
И когда знамена оптом
пронесет толпа, ликуя,
я проснусь, в землю втопан,
пыльным черепом тоскуя...

